

DOI: 10.31857/S086919080009832-2

ТРАКТАТ «О ДРУЖБЕ» МАТТЕО РИЧЧИ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН УСПЕХА ПРОПОВЕДИ ХРИСТИАНСТВА В МИНСКОМ КИТАЕ

© 2020

Д.В. ДУБРОВСКАЯ ^{a, b}^a – Институт востоковедения, Москва, Россия^b – Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9372-6553; distan@gmail.com

Резюме: В конце XVI в. небольшая миссия ордена иезуитов проникает в Китай и через недолгое время успешно достигает пекинского двора при императоре династии Мин Ваньли. В науке упорно обсуждается причина этого удивительного успеха и делаются попытки понять, в чем же состояло ноу-хау лидера миссии – итальянского проповедника Маттео Риччи, сумевшего привести миссионеров в столицу вопреки противодействию «партии евнухов», ксенофобии населения и неприятию «рыжеволосых дьяволов» традиционной китайской культурой. На Западе довольно долго не придавали особого значения небольшому трактату, написанному отцом Риччи на китайском языке еще в Наньчане и получившему широкое распространение среди образованных кругов Наньчана, Нанкина и Пекина. Между тем трактат «О дружбе» стал первым произведением, не только написанным европейцем по-китайски, но и включенным в ряд важных китайских энциклопедий и литературных коллекций. Статья рассматривает причины и обстоятельства создания этого эссе Маттео Риччи, структуру трактата, основанного на самых популярных максимах европейской философской мысли, начиная с классической древности до латинского сборника афоризмов португальского автора Андре де Ресенде, и секрет его популярности в Китае, где эта небольшая книга сначала попадает в официальные компендиумы («Юйганчжай бичэнь», «Тяньсюэ чухань»), а при маньчжурской династии Цин безжалостно из них исключается как крамольная. Рассмотрена небольшая мистификация, связанная с историей создания Dell'Amicizia, предпринятая Маттео Риччи, чтобы преподнести свой труд в более выгодном свете. Автор полагает, что, выбрав нейтральную общекультурную тему, проповедник безошибочно обратился к некоему человеческому и интеллектуальному общему знаменателю, не только продемонстрировав свое право на литературное общение с китайской культурной элитой на одном языке, но и показав, что у представителей двух вступивших во взаимодействие цивилизаций гораздо больше общего, чем до того предполагалось.

Ключевые слова: Маттео Риччи, «О дружбе», орден иезуитов, теория аккомодации, миссионерство, иезуиты в Китае.

Для цитирования: Дубровская Д. В. Трактат «О дружбе» Маттео Риччи как одна из причин успеха проповеди христианства в минском Китае. *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 175–186. DOI: 10.31857/S086919080009832-2

MATTEO RICCI'S DELL'AMICIZIA AS MEDIUM
FOR SUCCESSFUL CHRISTIAN PROSELYTIZATION IN MING CHINA

© 2020

Dinara V. DUBROVSKAYA ^{a, b}^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia^b – State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9372-6553; distan@gmail.com

Abstract: In late 16th century a small Jesuit mission penetrated China and after a while successfully reached the Peking court of Ming Emperor Wanli. Scholars contemplating the factors contributing to this remarkable success, try to decipher the know-how of Italian preacher Matteo Ricci, who managed to steer the company into the capital against the opposition of the ruling “eunuchs’ party”, local xenophobia and traditional aversion to the “red-haired devils”. Interestingly, the West had all but

ignored a small treatise written by Ricci while still in Nanchang, which widely circulated among the educated circles of Ming China. Meanwhile Dell' Amicizia was not simply the first piece ever written by a European in Chinese, but a prized item in a number of prominent Chinese encyclopedias and literary collections. The article looks at the origins of this essay, the circumstances in which it was written, the structure of the treatise, and the extent of its spread. Based on the most popular maxims of European philosophical thought, from classical antiquity to a collection of Latin aphorisms compiled by André de Resende, the work, included in the official compendia, was later purged from them by the Manchu officials. The article retells a little hoax perpetrated by Ricci to ensure Dell'Amicizia was presented in the best possible light. The author argues that, by choosing a neutral subject rooted in cultural basics, Ricci was able to appeal directly to a common denominator, one both humane and intellectual, and in doing so not only demonstrated his right to interact with the Chinese cultural elite as a literary peer, but also showed that representatives of both civilizations had much more in common than previously thought.

Keywords: Matteo Ricci, Dell'Amicizia, Jesuits, *teologia accomodativa*, missions, Jesuits in China.

For citation: Dubrovskaya D.V. Matteo Ricci's Dell'Amicizia as Medium for Successful Christian Proselytization in Ming China. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 175–186. DOI: 10.31857/S086919080009832-2

История христианской проповеди в Китае неразрывно связана с миссией иезуитов в Срединной империи, поначалу возглавлявшейся Алессандро Валиньяно (Alessandro Valignano; кит.: 范禮安; Фань Ли-ань; 1539–1606), а после его отбытия в Японию в июле 1579 г. – Микеле Руджери (Michele Ruggieri; кит.: 羅明堅; Ло Минцзянь; 1543–1607); и, наконец, с Маттео Риччи (Matteo Ricci; кит.: 利瑪竇; Ли Мадоу; 1552–1610), достигшим заметных успехов в католической проповеди. При итальянском проповеднике миссия, несмотря на трудности, ксенофобию и противодействие «партии евнухов», добралась до столицы империи Мин – Пекина и получила доступ ко двору императора Ваньли (萬曆; 1572–1620 гг. пр.). Спустя более четырех сотен лет после смерти Маттео Риччи наконец ожидается канонизации за апостольский подвиг – наряду с основателем ордена Иисуса Игнатием Лойолой и его ближайшим соратником, миссионером-иезуитом «первого призыва», «апостолом Индий и Японии», так и не сумевшим проникнуть на материковый Китай, – Франсиско Хавьером (Francis Xavier; лат.: Franciscus Xaverius; 1506–1552).

«Секрет успеха» Маттео Риччи и его коллег (один из крупнейших специалистов по христианской проповеди в Китае Николас Штандерт называет его не иначе как «метод Риччи» – *The Ricci Method* [Standaert, 2020]) постепенно занимает центральное место в исследовании истории первой миссии иезуитов, и тому есть несколько причин. Говоря о принципиальной новизне достижений иезуитов по сравнению с предыдущими попытками внедриться в Китай, осуществленными несторианами, францисканцами и доминиканцами, следует констатировать: мы имеем дело с первым настоящим успехом в области кросс-культурного взаимодействия. О подобном успехе не могла идти речь ни в VII–X, ни в XIII–XIV вв., когда, гонимые преследованиями, несториане явились в Срединную империю по Великому шелковому пути сначала в танскую, а потом, пользуясь иноконфессиональностью монгольских завоевателей Китая, – в юаньскую эпоху. Францисканский брат и – по папскому назначению – архиепископ Ханбалыка Иоанн де Монтекорвино (1247–1328), несомненно, приблизился ко двору наследников Хубилая гораздо ближе, но после его смерти миссия продержалась в столице не более сорока лет. Что же до усилий доминиканцев, то наиболее выдающийся их представитель Гаспар (де ла) Круз (ок. 1520–1570), оставивший описание Китая, сумел провести в Гуанчжоу в 1556 г. всего лишь месяц.

Сплоченная миссия иезуитов, возглавляемая Маттео Риччи, первой достигла Пекина, ведомая исключительно апостольскими целями. Именно такая задача была поставлена в

рамках борьбы с Реформацией и конкретно в рамках программы, сформулированной для контрреформации папством и монашескими орденами (в том числе для иезуитов – Игнатием Лойолой). Помимо целей и задач были продуманы и инновационные методы не только проповеди, но и межнационального взаимодействия – такие, как знаменитая *teologia accomodativa* – система поиска компромиссов, точек соприкосновения, полезных для проповеди общих знаменателей. Прибывший в Макао Маттео Риччи был вооружен не только знаниями, способностями и проповедническим жаром, но и конкретными инструментами. Приступая к проповеди христианства, он уже в совершенстве овладел языком страны пребывания, располагал важнейшей книгой – иллюстрированной библией Наталиса (см., напр., [Дубровская, 2019(1)])¹, для наглядного ориентирования в тогдашней ойкумене составил карту мира (естественно, тоже на китайском языке) и, наконец, создал трактат «О дружбе», оказавшийся самым популярным произведением, написанным по-китайски выходцем из Европы (см., напр.: [D’Elia, 1956; Lo, 2006; Matteo Ricci in China, 2010; Vila-Cha, 2010]).

ПРОЕМА: «КНИГА БОЛЕЕ ПОЛЕЗНАЯ, ЧЕМ БИБЛИЯ»

До недавнего времени изучением трактата на Западе (в отличие от минского Китая) пренебрегали в связи с кажущейся тривиальностью темы, что вело к восприятию текста как диалога – подражания знаменитому труду Цицерона «Лелий, или О дружбе» (*Laelius de amicitia*, 44 г. до н. э.), обнаруженному среди писем Цицерона Петраркой и увидевшему свет в конце XV в. Однако трактат Риччи не является переводом Цицерона, и хотя, безусловно, с точки зрения проповеди этот скромный цитатник уступает такому парagonу миссионерской мысли, как «Тяньчжу ши’и» («Истинное значение Бога Неба»), написанному в 1603 г. [Ricci, 2006], второго не появилось бы без первого: не завоюй Риччи популярности и *дружбы* среди представителей образованной китайской элиты своими ста прокомментированными максимами, у него не появилось бы возможности свободно объяснять истинный смысл новой веры. Сначала миссионеру нужно было показать единство человеческих проявлений в разных культурах, а потом уже толковать смысл божественного и искать точки соприкосновения западной теологии с китайской философией.

Стремясь достичь Пекина с юга страны, из Макао, миссия обитала последовательно в Чжаоине (1583–1589), Шаогуане (называемом Риччи «Шаочжоу») на севере той же провинции Гуаньдун, в южной столице минского Китая Нанкине и, наконец, после неудачной попытки пробиться в Пекин и «отступления» в 1595 г. – в Наньчане, административном центре провинции Цзянси, богатом традициями конфуцианской учености. Наньчан, где миссионеры провели три года и построили церковь, и поныне почитается как колыбель китайского католицизма: в 1922 г. в городе воздвигли новую церковь Непорочного зачатия, во дворе которой установлен памятник Маттео Риччи.

Именно в Наньчане в 1595 г. появляется на свет первая книга (изданная год спустя, в 1596 г.), написанная европейцем на языке страны пребывания и первоначально названная автором просто «Ю-лунь» (友論; «Трактат о друзьях»), а позже переименованная одним из его многочисленных китайских последователей в «Цзяо ю-лунь» (交友論; «Трактат о дружбе») – название, под которым сочинение известно и по сей день (на Западе этот короткий компендиум получил известность по-итальянски – *Dell’amicizia*²).

¹ Риччи писал о ней: «Это книга более полезная, чем Библия, она помогает объяснить или даже представить перед глазами возможного обращенного то, что мы время от времени неспособны объяснить словами». Цит. по: [Гамлицкий, 2019, с. 27].

² При этом в литературе «Дружбу» Риччи часто называют по-латыни “*De Amicitia*”, так же как одноименный трактат Цицерона. См., напр.: [Fang Hao, 1949].

Тема работы, созданной после двенадцатилетней борьбы за выживание на юге страны (еще целых пять лет отделяли Риччи от разрешения прибыть к императорскому двору), была выбрана не случайно: «О дружбе» знаменовал поворот в стратегии ордена, после того как миссия, стремившаяся попасть в столицу, потерпела первую неудачу [Дубровская, 2001, с. 72–98]. Понимая, что сначала нужно физически добраться до Пекина, Риччи переодевается в костюм конфуцианского ученого – *шэньши* и еще более активно заводит полезные знакомства. К тому времени способности, ум, знание конфуцианской классики, достоинство и хорошие манеры миссионера уже завоевали ему признание и множество друзей среди представителей китайской интеллектуальной элиты, но трактату «О дружбе» было суждено завоевать еще больше, а сам Маттео Риччи приобрел на волне успеха этого труда репутацию «мудреца с Запада», «Ситая» (西泰), достойного собеседника готовых прислушаться к его рассуждениям мудрецов китайских.

Быстро обретший популярность трактат вскоре становится настоящим позднеминским бестселлером: спустя всего лишь год после его сочинения Риччи пишет в Рим: «Столь многие просят его посмотреть и переписать, что у меня никогда не остается экземпляров» [Matteo Ricci: *Letters from China*... 2019, p. 65]³. В 1596 г. подружившийся с иезуитами местный чиновник решает издать этот текст, не поставив в известность автора (Риччи особенно подчеркивает последний факт, так как иезуиты не имели права издавать что-либо, не получив на то санкцию Рима, а в эту доинтернетную эпоху подобная санкция могла не приходиться годами или не последовать вовсе). В следующие пять лет вышло еще два независимых издания «Дружбы» (в 1599 и в 1601 гг.), принятых уже новыми друзьями итальянского проповедника. В письме 1599 г. Риччи пишет: «“Дружба” принесла мне и нашей Европе больше признания, чем все, что мы делали до этого; потому что остальное ценится за механические и вещественные [произведения] рук и инструментов, а это за литературу, остроумие и благодетель» [Matteo Ricci: *Letters from China*... 2019, p. 112]. Спустя десять лет, собирая труды для издания в Европе [Ricci, 1911–1913], проповедник докладывает, что трактат по-прежнему поражает всю империю (*fa stupire a tutto questo regno*), переиздается как в Пекине, так и в провинциях и получает хвалу ученых людей, приобретая ему друзей среди важных персон; отмечает он и то, что рассуждение «О дружбе» уже цитируют в важных китайских книгах [D’Elia, 1942, p. 368–369].

ПЕРВОЕ СОЧИНЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦА В КИТАЙСКИХ АНТОЛОГИЯХ

Уже в 1602 г. приблизительно треть небольшого трактата Риччи с некоторыми коррективами стиля входит в третий *цзюань* важной антологии «Юйганчжай бичэнь» (鬱岡齋筆塵⁴; Разрозненные заметки из студии Юйган)⁵ придворного сановника Ван Кэньтана (王肯堂; 1549–1613), позже прославившегося трудами по традиционной китайской медицине. Необыкновенная популярность «Дружбы» Риччи подтверждается и тем, что ее неоднократно воспроизводили – полностью и частично – в ученых сборниках китайских авторов (У Цунсяня [吳從先] в 1614 г., Чэнь Цзисюя [陳繼需] в 1615 г., Цзян

³ Из обширного эпистолярного наследия Маттео Риччи уцелело всего 54 письма в Европу, последнее издание которых в переводе на английский язык было осуществлено в 2019 г. в [Matteo Ricci: *Letters from China*... 2019].

⁴ В литературе часто можно встретить иное, отчасти омонимичное, название этого труда: «玉岡齋筆塵/塵» (Юйганчжай бичэнь/чжу), где первый иероглиф, читающийся «юй», означает «яшма», а последний, читающийся «чэнь» (塵) и означающий «пыль», путают с похожим иероглифом 塵, читающимся «чжу» и обозначающим оленя, что неудивительно: иероглифы разнятся всего в одной черте, но в случае с «оленьем» название труда теряет всякий смысл. См., напр.: [Ricci, 2009, p. 3].

⁵ Могут быть найдены, например, здесь: [Ван Кэньтан 2020].

Сюйци [江旭奇] в 1616 г., Фэн Кэбиня [馮可賓] в 1622 г., Чжу Тиндяня [朱廷但] в 1626 г. и Тао Цзун'и [陶宗儀] в 1646 г.) уже после смерти итальянского миссионера. Когда же друг и давнишний сотрудник Риччи китайский математик и астроном Ли Чжицзао (李之藻; 1565–1630)⁶ составил долго считавшееся наиболее полным многотомное собрание сочинений китайских иезуитов, изданное в 1629 г., через двадцать лет после смерти основателя миссии, – «Тяньсюэ чухань» (天學初函; «Первые писания о Небесном учении»), он включил туда и «Дружбу».

В XVIII в. работа (за вычетом предисловия) полностью вошла в начатую при цинском императоре Канси первую и крупнейшую императорскую энциклопедию-*цуншу* (叢書) «Гуцзинь тушу цзичэн» (古今圖書集成; «Собрание древних и современных книг и иллюстраций»), завершённую при сыне Канси – императоре Юнчжэне в 1726 г. Риччи снабдил цитаты, вошедшие в трактат, краткими комментариями в половину высоты иероглифов, которыми были выписаны сами максимы, – прием, использовавшийся для ученых заметок, традиционно сопровождавших издание классических текстов. Таким образом, даже внешне трактат выглядел как привычный классический конфуцианский текст. Прием оказался успешным визуально, но с точки зрения семантики миссионер слегка перестарался: в конце энциклопедии составители пишут: «Заметьте: ввиду того что “Трактат о дружбе” представляет собой писание Западных областей, пояснительные комментарии [к нему] крайне трудны для понимания»⁷. И действительно, хотя большинство комментариев Риччи просто являют собой более подробное истолкование комментируемой максимы, некоторые можно считать оригинальной попыткой произвести некий культурный синтез; миссионер вторгается на территорию китайской философии, а это, несомненно, задача более трудная, чем объяснение родных для него культурных тропов.

Проходит всего полвека, и в 1773 г. «Дружба» уже исключается из самой большой по размеру императорской коллекции текстов «Сыку цюаньшу» (四庫全書; «Полное собрание книг по четырем разделам»), предпринятой сыном Юнчжэна императором Цяньлуном в 1773 г. Причиной опалы стало, скорее всего, как изменение отношения к иезуитам, так и подозрение в том, что абстрактные рассуждения о друзьях и дружбе несут в себе скрытые антиманьчжурские настроения, а в задачи создания «Сыку цюаньшу» входило не только превзойти знаменитую энциклопедию минского императора Юнлэ «Юнлэ дадянь» (永樂大典; 1403–1408), но и изъять из корпуса классики тексты предполагаемой антиманьчжурской направленности [Wilkinson, 2000, p. 275].

Как бы то ни было, работа Риччи стала своего рода учебником для всех последовавших миссионеров-иезуитов в Китае – в первую очередь как образцовое упражнение в литературном языке. Спустя полвека, в 1647 г., другой выдающийся итальянский миссионер, картограф, филолог, историк и богослов Марино Мартини (Martino Martini; 1614–1661; кит. имя Вэй Куанго; 衛匡國) напишет продолжение трактата – «Цюй'ю пянь» (逮友篇; «Писание о встрече друзей») [Matteo Ricci Lettere, 1913]. Труд Мартини в несколько раз превышает по объему трактат Риччи, тяжело нагружен дидактикой и открыто религиозен по содержанию. Вероятно, поэтому его довольно быстро забыли.

ИСТОРИЯ «ДРУЖБЫ»

История создания трактата неоднозначна, сам Маттео Риччи несколько приукрашивает и романтизирует ее. В Наньчане Риччи попал в сферу общения принца Цзянь'ань Вана

⁶ Вместе с Сюй Гуанци (徐光啟, 1562–1633) и Ян Тин'юнем (楊廷筠, 1557–1627) он традиционно почитается одним из «Трех великих столпов китайского католицизма». См., напр.: [Ян Тин'юнь, 2020].

⁷ Цит. по: [Ricci, 2009, p. 4].

(建安王; личное имя Цянь Чжай) – двоюродного брата императора, которому миссионер и преподнес в подарок эссе, продолжая не только возрожденческие традиции Макиавелли, написавшего своего «Государя» для урбинского герцога Лоренцо Медичи, но и вписываясь в китайскую культурную традицию сочинения трактатов, представляемых на суд покровителей или ученых друзей. В предисловии (*proema*) к трактату проповедник рассказывает историю этого подарка: принц пригласил его к себе в поместье на прием, и разговор в какой-то момент перешел к рассуждениям о сущности дружбы, что было достаточно обычной темой среди интеллектуалов того времени⁸. Принц пожелал узнать, что думают о дружбе европейцы. Вернувшись домой, Риччи собрался с мыслями и соединил в одном труде все, что помнил на заданную тему из классических юношеских штудий. Так, в письме отцу Джироламо Косте от 14 августа 1599 г. [*Matteo Ricci Lettere...* 2001, р. 311]⁹ Риччи утверждает, что собрал в трактате высказывания некоторых западных философов, скорректировав и местами изменив их, чтобы адаптировать к восприятию китайских читателей [*Matteo Ricci Lettere...* 2001, р. 337]. Не совсем ясно, имел ли миссионер физически в своем распоряжении книги великих западных философов древности и Возрождения или же, как обычно, цитировал по памяти (как известно, она была у него выдающейся). В число философов, к которым обратился за помощью проповедник, вошли Аристотель, Плутарх, Сенека, Цицерон, Блаженный Августин (354–430) и св. Амвросий Медиоланский (ок. 340–374) [Ricci, 2005, pp. 18–19]. Существует и предположение, что помочь проповеднику в нелегком предприятии мог составленный на латыни португальским автором Андре де Ресенде (André de Resende; лат. Andreas Eborensis; 1498–1573) сборник XVI в. “Sententiae et exempla ex probatissimis quibusque scriptoribus collecta et per locos communes digesta per Andrea Eborensem Lusitanum...” («Мудрые высказывания с примерами [исторические анекдоты]») – собрание разрозненных цитат, жанр, популярный у всех народов во все времена (см.: [Hosne, 2014]). В 1590 г. этот компендиум вышел в пятый раз в Париже и вполне мог достичь Риччи в Китае в нужное время¹⁰.

Некий письменный труд действительно назрел. Через двенадцать лет, прошедших с начала приключений в Срединном государстве, «Ситай» осознал, что «в Китае можно больше сделать книгами, чем словами» (“più si fa in Cina con libri che con parole” [*Matteo Ricci: Letters from China...* 2019, р. 137]), и по этой причине переключил внимание на ученых-шэньши, сделался одним из них, заговорил на одном с ними языке. Проповеднический гений лидера миссии выразился именно в том, что темой первого эссе, написанного по-китайски, он делает «человеческий фактор», а не вопросы принесенной им веры, ибо говорить о вере можно было, только *уверив* собеседника в своих (и его) дружеских чувствах, без которых разговор бы не состоялся.

Сам автор описывает приключения духа, предшествующие сочинению трактата, вполне поэтически: «Я, Маттео, с крайнего [запада] поплыл через море и вошел в Китай во славу премудрой благодетели Сына Неба Великой династии Мин и добрых обычаев, завещанных правителями древности. С тех пор как я выбрал местом моего проживания Линбяо на вершине горы, звезды и зимы сменились несколько раз. Весной этого года я пересек горы, проплыл по реке и прибыл в Нанкин (Цзиньлин; 金陵, “Золотой холм”), где поразился сиянию столицы царства, наполнившей меня большой радостью, и поду-

⁸ Та же версия излагается автором в письме № 32 от 13 октября 1596 г., адресованном Генералу ордена Иисуса Клаудио Аквавиве [*Matteo Ricci: Letters from China...* 2019, р. 106].

⁹ Впервые письма Маттео Риччи были изданы в его родном городе Мачерате в 2001 г.

¹⁰ Как сообщает статья, сопровождающая информацию об автографе Риччи, обнаруженном в Британской библиотеке, копия труда Ресенде до сих пор хранится в библиотеке ордена иезуитов в Пекине. См.: [Matteo Ricci, 1595–1599, 1724].

мал: “Кажется, я не зря вышел”¹¹. Еще не перестав гневаться на все виновные стороны... я прибыл в город Наньчан... возвел очи к горе Западного города (Città al Ponente) и, найдя его столь свежим и приятным, понял, что обнаружу на этой земле высокообразованных людей. [...] с помощью некоторых известных персон и [моих] заступников мне удалось посетить короля Цзянь-аня, который... оказал мне очень глубокое благоволение, воздал большие почести, хотя я их не заслуживаю, и устроил банкет с превосходным вином. Когда это было закончено... король взял меня за руку и сказал: “Всякий раз, когда кто-либо, наделенный честью и добродетелью, приезжает в мою страну, я не упускаю случая пригласить его, подружиться с ним и почтить его. Великое европейское царство – это царство рассуждений, основанное на понимании причин: я хочу знать, что они думают о дружбе”» [Ricci, 2009, p. 90].

Через год после создания трактата, 13 октября 1596 г., в письме из Наньчана, адресованном в Рим вышестоящему отцу-иезуиту Клаудио Аквавиве, миссионер объясняет некоторые подробности происшедшего так: «В прошлом году в качестве упражнения я написал по-китайски несколько замечаний *О дружбе*, отобранных из наших лучших книг; и ввиду того что все они происходили из [уст] наших сколь различных, столь выдающихся персон, образованные люди этой земли были поражены. Чтобы придать [писанию] больше веса, я написал предисловие и преподнес в качестве подарка некоему родственнику короля, также носящему титул “король”¹²» [Matteo Ricci: *Letters from China*... 2019, p. 116]. Таким образом, трактат зарождался скорее как упражнение в переводе, получившее большой успех у китайских друзей проповедника, и лишь позже Риччи добавил предисловие с анекдотом о банкете у Цзянь-аня Вана, которому, кстати, подарил не только сборник цитат с комментариями, но также, по воспоминаниям в «Журналах» – подытоживающем писании о трудах и днях миссии, составленном проповедником по-итальянски в Пекине уже на закате дней, – иллюстрированное описание мира, девять небесных сфер и различные математические штудии. Там же Риччи признается, что в предисловии к трактату он *вообразил* («написал, притворяясь» – *fingendo*), будто бы ван спросил его о категории дружбы на Западе [Ricci, 2005, p. 23]. Судя по тому, что подобная фантазия не вызвала в адресате отторжения, можно заключить, что притворство подействовало.

А ргоров заметим, что о понимании Риччи китайского языка, о его первопроходческих достижениях в анализе структуры, письменности, фонетики и тонового строя китайского можно судить по следующим замечаниям: «Многие буквы¹³ звучат одинаково, хотя и имеют разную форму, и каждая из них означает много вещей. По этой причине он [китайский] – самый двусмысленный язык и письменность, что можно встретить; никоим образом нельзя писать под диктовку; напротив, говоря, они часто переспрашивают друг друга, даже самые красноречивые, грамотные и ярко выражающиеся люди повторяют слово и также объясняют, как оно пишется. К этому неправильному пониманию слов добавляются пять тонких акцентов, которыми они разнообразят почти каждое слово; кроме того, один лишь слог, произносимый пятью способами, означает пять совершенно разных вещей»¹⁴. Неудивительно, что, понимая трудности устной коммуникации, миссионер обращается к формату литературного трактата, переходя к коммуникации письменной.

¹¹ Здесь Маттео Риччи как будто отвечает на получивший широкую известность уже в наше время призыв Иосифа Бродского «не выходи из комнаты, не совершай ошибку», приобретший особо острую актуальность в связи с пандемией COVID-19.

¹² Речь идет о титуле ван (王), традиционно переводящемся на русский язык как «князь».

¹³ Скорее всего, Риччи имеет в виду слоги. Дословно в [Ricci, 2000, p. 341] он пишет: «Много букв представляют собой одно и то же» (“molte lettere sono dell’istesso sono”).

¹⁴ Цит. по: [Casacchia, Gianninoto, 2020].

«Я ДЕЛАЛ ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ»

Идеал дружбы, вырисовывающийся из трактата Риччи, почерпнут не только и не столько из Евангелий, сколько из сочинений античных философов – из Цицерона и Аристотеля, которых автор штудировал в Колледжо Романо в Риме, Колледжо дас Артес в Коимбре и в Колледже св. Павла в Гоа. Тем не менее миссионер, конечно же, руководствовался базовыми заветами Христа, обнаруживаемыми в Евангелии от Иоанна (15: 12–15): «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. [...] Сие заповедаю вам, да любите друг друга». И хотя традиция обычно называет подобные чувства «братской любовью», Христос, по сути, повелевает своим последователям быть друзьями. Для Риччи христианская модель человеческого совершенства достигается именно через подобную любовь.

Духом непредвзятости и противодействия ксенофобии проникнута и притча о Христе и самарянке (От Иоанна 4: 1–42). Однако этих примеров было недостаточно: если первый призыв вовсе никак не объяснял *необходимость* любить друг друга, то второй – с учетом традиционного отношения китайцев к варварам – выглядел бы слишком поспешным толчком в направлении непонятной цели. Поэтому в поисках ценностного, культурно-цивилизационного общего знаменателя Маттео Риччи, в учении которого соединились два идеала – античный европейский и европейско-христианский, несомый в Китай, начал все же с античных философов.

Для Риччи дружба не просто метод социального взаимодействия, но способ воплощения божественного плана по спасению человечества: связь дружбы со счастьем и добродетелями понимается миссионером как ценность, одинаково важная для Афин, Иерусалима, католической церкви, Нанкина и Наньчана. Именно этот простой инструмент и стал отчаянной инновационной попыткой поставить церковную работу на культурную платформу, основанную на «миссионерском проекте» Риччи, переформулировавшем цель миссии с обращения язычников в интеллектуальную дружбу с представителями другого народа. Однако основная мысль трактата базируется на классическом аристотелевском идеале, предполагающем друзей двумя частями одного целого, чем-то вроде зеркала¹⁵. Видя друг в друге высшее добро, друзья учат человека быть другом самому себе и делать добро другим.

Тема дружбы всегда была важна и для традиционного китайского общества, будь то дружба в универсальном понимании или знаменитые уже в наше время «гуаньси» (关系) – связи, без которых немислимо представить полноценное социальное взаимодействие. Однако, как известно, все гениальное начинается с идеи, а воплощается в постановке проблемы и в структуре: выбрав тему дружбы, Маттео Риччи безошибочно нашел точку соприкосновения ценностей обеих цивилизаций. Так, «Лунь юй» конфуцианского канона наполнен высказываниями о дружбе и друзьях – начиная с первого цзюаня и знаменитой максимы «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?» [Кривцов, 1972, с. 140], как будто специально приложимой к людям вроде Риччи и его соратников, до: «Три вида радости приносят пользу и три вида – вред. Когда радуешься от того, что или

¹⁵ См. об этом, напр.: [Апресян, 2014]. В целом логическая цепочка рассуждений Аристотеля строится на определении счастья – высшей цели, которой можно достичь через действие. Философ видит в счастье не блага, а благородство и добродетель, но так как добродетельным в одиночестве быть нельзя, а жизнь в одном социуме с другими людьми – не индивидуальный акт (как мы помним, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно), то добродетельность неотделима от дружеских связей.

поступаешь в соответствии с ритуалом и музыкой, или говоришь о добрых делах людей, или вступаешь в дружбу с мудрыми людьми, – это приносит пользу. Когда испытываешь радость от того, что предаешься или расточительству, или праздности, или пирам, – это приносит вред» [Кривцов, 1972, с. 170].

Дружба занимает особое место в китайской культуре, будучи базой для построения социальных сетей, от которых зависит функционирование общества и государства. Так что, собирая коллекцию высказываний на тему этого лучшего вида человеческих взаимоотношений, Риччи не только хотел подружиться с влиятельными людьми, могущими быть полезными делу миссии в Срединной империи, но и надеялся «подружить» западную культуру с китайской. Миссионер понимал, что успехи в деле пропаганды христианства (реальная причина, по которой Риччи «делал все для всех» – «*mi sono fatto tutto a tutti*»¹⁶) напрямую зависели от признания того, что нормы этого вероучения не противостоят социальному порядку Поднебесной.

Помимо чисто литературного успеха трактата Маттео Риччи, его реальное умение заводить друзей, помогать им и рассказывать о Европе, его готовность к «нетворкингу» были столь важной частью жизни и работы миссионера в Срединной империи, что на эту социальную сторону деятельности уходила значительная часть его усилий и времени. В письме, направленном брату Антону-Марии Риччи из Пекина в конце августа 1608 г. – меньше чем за два года до смерти, – миссионер пишет: «Друзья у меня повсюду, их так много, что они не дают мне жить, и я провожу целый день в гостиных, отвечая на разные вопросы, помимо всех остальных задач, которые здесь у меня есть» [Venturi, 1913, p. 376].

АЗБУКА ДРУЖБЫ

Конструкция небольшого трактата проста: мудрые изречения, из которых состоит труд, собраны «Ситаем» не в продуманном логическом порядке, а в форме набора высказываний, дающего читателю возможность размышлять над ними по одному в произвольном порядке. Труд напоминает не только максимы Монтеня или Ларошфуко, но и афористичные трактаты, типичные для конфуцианской и даосской традиции. Первоначально работа содержала всего 76 высказываний, но позже автор довел их число до 100. Так, состоящее из 100 сентенций издание, выпущенное в Пекине в 1601 г. с предисловием Фэн Инцзина (馮應京; 1555–1606), содержится в Национальной библиотеке в Риме, а в течение многих лет считавшийся потерянным автограф, посланный автором в Европу и упомянутый в письме Маттео Риччи за № 36, был в начале нынешнего века обнаружен в Британской библиотеке, где ныне и хранится. Автограф состоит из первоначальных 76 фраз и содержит три рукописных примечания, подтверждающих его подлинность [Matteo Ricci, 1595–1599, 1724]. Апограф оригинала трактата доступен также в архиве Папского Григорианского университета (Pontificia Universitas Gregoriana) в Риме¹⁷, экземпляры книги разных изданий обнаруживаются в Библиотеке Конгресса и в других важных мировых коллекциях.

Приведем некоторые высказывания из трактата Маттео Риччи, переведенные с его собственного итальянского оригинала.

«Мой друг – не что иное, как половина меня самого; мое alter ego (un altro me stesso). Поэтому нужно считать его самим собой».

¹⁶ Полностью: “Mi sono fatto debole con i deboli, per guadagnare i deboli; mi sono fatto tutto a tutti, per salvare ad ogni costo qualcono” («Я делался слабым со слабыми, чтобы вести за собой слабых, я делал все для всех, чтобы спасти всех любой ценой») [Meda, 2019, p. 172].

¹⁷ См. каталог документов миссии из Фонда Д’Элия: [Chinese Documents I, 2020].

«Хотя у нас с другом два тела, в этих двух телах одно сердце».

«Смысл дружбы – взаимная потребность и взаимопомощь».

«Преданный сын, получая наследство, наследует дружеские связи отца».

«Если у человека великой добродетели не было выдающихся врагов, у него наверняка были хорошие друзья. Если эти выдающиеся враги не сделали его замечательным, у него наверняка были хорошие друзья, помогавшие ему».

«Прежде чем заводить друзей, нужно подумать; подружившись, нужно быть верным».

«Если друзей мало, и радости мало; но и грусти тогда будет немного».

«Старый друг – хороший друг, нельзя оставлять его. Кто без причины оставляет старого друга ради нового, вскоре пожалеет об этом».

«Кто не помогает другу в нужде, не найдет того, кто поможет в нужде ему самому».

«Если ты мой верный друг, то любишь меня не за вещи, а за любовь».

«Все вещи у друзей общие».

«Но какие времена! Какие времена! Уважительные слова порождают дружбу, а слова правды порождают ненависть!» [Ricci, 2005, p. 161–190].

Было бы, наверное, слишком смело назвать Маттео Риччи с его списком максим, прошедших по душе образованному китайскому читателю, привыкшему к глубокомысленным афоризмам и коанам, «блогером» (весьма современный формат!), но с учетом реакции на этот труд счесть его «[микро]инфлюэнсером» просто необходимо¹⁸.

CONCLUSIONES

Итак, Маттео Риччи выпала честь стать первым европейцем, книги которого (включая «О дружбе») вошли в императорскую антологию и другие влиятельные компендиумы философско-литературной мысли. Китай, как известно, всегда радикально перерабатывал, переваривал любое пришлое учение, но обычно это происходило с использованием *местных* интеллектуальных сил. Маттео Риччи впервые избавил китайских ученых от необходимости самостоятельно вникать в предлагаемое учение, перекраивать, китаизировать и адаптировать его под китайскую традицию: он сделал это сам, попав в намеченную цель маленьким, но остроумным трактатом.

Выполнил ли труд «О дружбе» задачу навести мосты между христианами и китайскими шэньши? Ответ предлагается уже Фэн Инцзином: во введении к изданию 1601 г. он утверждает, что трактат адекватно отражает сияние мужества и мудрости «Ситая», убедительно показывающего в своем труде, что китайская и западная культуры в основе своей идентичны [Hosne, 2014]. Подобное умозаключение поразительно и многое говорит не только о силе убеждения, которой обладал автор «Дружбы», но и о его владении китайским литературным языком.

Однако, пожалуй, самый важный вывод, на который наводит нас рассмотрение первого литературного предприятия европейца на китайском языке, заключается даже не в векторе, направленном в сердце китайской ученой традиции, а в том, насколько друг-зеркало, конструируемый Риччи на основе идей традиции европейской, отражает ценности конфуцианского Китая. Миссионеру поистине удалось сделать это зеркало двусторонним.

Приводя сто сентенций античных и средневековых европейских мыслителей, Маттео Риччи пытался продемонстрировать, что фундаментальная потребность друг в друге – общий знаменатель, единый для всех людей и роднящий китайскую и европейскую ци-

¹⁸ Об общей оценке трудов Маттео Риччи современными проповедниками китайцами см., напр., [Дубровская, 2019(2)].

визации. Импакт-фактор этой небольшой работы может быть объяснен тем, что, обогнав свое время и радикально выламываясь из традиции христианской проповеди прогрессорского типа, характерной для *modus operandi* представителей орденов францисканцев и доминиканцев, и сделав уже первый шаг, заключающийся в умении разговаривать с паствой как с равными, на одном языке, Риччи делает и следующий шаг: он сходит с виртуального амвона и переводит проповедь в плоскость чисто человеческих, дружеских связей, в плоскость общения и взаимного понимания, обоюдного знания базовых вещей друг о друге. Именно поэтому, появившись в Китае, Риччи на время откладывает в сторону Библию и Евклидову геометрию и предстает перед местной интеллектуальной элитой, держа в одной руке созданную им карту мира, а в другой – “Dell’Amicizia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апресян Р.Г. Проблема другого в философии Аристотеля. *Этическая мысль*. 2014. Вып. 14. С. 65–86 [Apressyan R.G. The Problem of the Other in Aristotle’s Philosophy. *Ethical Thought*. Iss. 14. Pp. 65–86 (in Russian)].

Ван Кэньтан. *Юйганчжай бичжу (Разрозненные заметки из студии Юйган)* (王肯堂. 鬱岡齋筆塵 [Wang Kentang. *Assorted Notes from the Yugang Studio*. (in Chinese)] <https://ctext.org/searchbooks.pl?if=gb&searchu=ctp%3Awork%3Awb454213>. (accessed: 25.01.2020).

Гамлицкий А.В. Евангелие Наталиса (Biblia Natalis). Путь от Рима до Пекина. Алехина Л.И., Гамлицкий А. В. *Евангелие Иеронима Наталиса*. М.: Музей искусства им. Андрея Рублева, 2019. С. 12–29 [Gamlitskii A.V. *Biblia Natalis. The Road from Rome to Peking. Gospel of Jerome Natalis. First Edition*. Moscow: Rublev Museum, 2019. Pp. 12–29 (in Russian)].

Дубровская Д.В. *Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001 [Dubrovskaya D.V. *Jesuit Mission in China. Matteo Ricci et al.* Moscow: IOS RAS, Craft+, 2001 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Евангелие Иеронима Наталиса в России и на Востоке: выставка одного памятника в Музее имени Андрея Рублева. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2019(1). No. 1–2. С. 213–220 [Dubrovskaya D.V. *Biblia Natalis in Russia and in the East: The One Book Exhibition in the Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art. Oriental Courier*. 2019(1). No. 1–2. Pp. 213–220 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Эпитафия Маттео Риччи (1552–1610) на пекинском кладбище Чжалань: памятник эпиграфики и краткое резюме жизни миссионера. *Эпиграфика Востока*. № XXXIV. 2019(2). С. 73–79 [Dubrovskaya D.V. The Epitaph to Matteo Ricci (1552–1610) at the Beijing Zhalan Cemetery: The Epigraphic Monument and a Short Resume of the Missionary’s Life. *Epigrafika Vostoka*. No. 34. 2019(2). Pp. 73–79 (in Russian)].

Кривцов В.А. Лунь юй. *Древнекитайская философия*. Т. 1. М.: Мысль, 1972 [Krivtsov V.A. Lun Yu. *Philosophy of Ancient China*. Vol. 1. Moscow: Mysl’, 1972 (in Russian)].

Ян Тин’юнь (楊廷筠; Yang Ting-Yun). *China Culture.org*. http://www.chinaculture.org/gb/cn_zgwh/2004-06/28/content_53004.htm. (accessed: 25.01.2020).

Casacchia G., Gianninoto M. Matteo Ricci e la lingua cinese. *Associazione Matteo Ricci*. http://www.associazionematteoricci.org/drupal/sites/default/files/documenti/12_G.CASACCHIAeM.GIA.NNINOTO_Matteo%20Ricci%20e%20la%20lingua%20cinese.pdf (accessed: 27.01.2020).

Chinese Documents I. *Pontificia Università Gregoriana. Archivio storico*. https://www.unigre.it/archivioimg/Immagini_blog/Fondo_D’Elia_cinese_I.pdf (accessed: 27.01.2020).

D’Elia P.M. Further Notes on Matteo Ricci’s *De Amicitia*. *Monumenta Serica*. Vol. 15, No. 2. 1956. Pp. 356–377.

D’Elia P.M. (Ed.). Storia dell’introduzione del cristianesimo in Cina. *Fonti Ricciane: documenti concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime relazioni tra l’Europa e la Cina (1579–1615)*. Vol. 1. Roma: Libreria dello Stato, 1942.

Fang Hao M. Notes on Matteo Ricci’s *De Amicitia*. *Monumenta Serica*. 1949. Vol. 14. Pp. 574–583.

Hosne A. C. Friendship among Literati. Matteo Ricci SJ (1552–1610) in Late Ming China. *The Journal of Transcultural Studies*. Vol. 5, No. 1. 2014. <https://heiup.uni-heidelberg.de/journals/index.php/transcultural/article/view/11362/8707> (accessed: 24.01.2020).

Lo Yuet Keung. My Second Self: Matteo Ricci's Friendship in China. *Monumenta Serica*. Vol. 54. 2006. Pp. 221–241.

Huonder A. Martino Martini. *Catholic Encyclopedia*. 1913. Vol. 1. [https://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_\(1913\)/Martino_Martini](https://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)/Martino_Martini) (accessed: 27.01.2020).

Matteo Ricci. *Treatise on Friendship*. 1595–1599, 1724. Chinese, Italian, and Latin. Autograph. [http://searcharchives.bl.uk/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=IAMS032-002029698&indx=1&recIds=IAMS032-002029698&recIdxs=0&elementId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&dscnt=0&frbg=&scp.scps=scope%3A%28BL%29&tab=local&dsmtp=1580148851400&srt=rank&mode=Basic&dum=true&vl\(freeText0\)=matteo%20Ricci&vid=IAMS_VU2#](http://searcharchives.bl.uk/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=IAMS032-002029698&indx=1&recIds=IAMS032-002029698&recIdxs=0&elementId=0&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&dscnt=0&frbg=&scp.scps=scope%3A%28BL%29&tab=local&dsmtp=1580148851400&srt=rank&mode=Basic&dum=true&vl(freeText0)=matteo%20Ricci&vid=IAMS_VU2#). (accessed: 27.01.2020).

Matteo Ricci Lettere (1580–1609) (ed. F. Arelli). Macerata: Quodlibet, 2001.

Matteo Ricci in China. Inculturation through Friendship and Faith. C. Shelke, M. Demichele (Eds). Roma: Gregorian & Biblical Press, 2010.

Matteo Ricci: Letters from China: A Revised English Translation with Commentary. (Tr. B. Gottschal). Beijing: The Beijing Center Press, 2019.

Meda J. I. “*Monumenta Italiae Paedagogica*” e la costruzione del canone pedagogico nazionale (1886–1956). Milano: Franco Angeli, 2019.

Ricci M. I commentarii della Cina. *Opere storiche del P. Matteo Ricci S.I.* (Ed. P. Tacchi Venturi). Macerata: Quodlibet, 1911–1913.

Ricci M. *Della entrata della Compagnia di Giesù e Christianità nella Cina*. Macerata: Quodlibet, 2000.

Ricci M. *Dell'amicizia*. Macerata: Quaderini, 2005.

Ricci M. *Il vero significato del “Signore del Cielo”*. (Tr., Ed. A. Chiricosta). Vaticano: Urbaniana University Press, 2006.

Ricci M. *On Friendship: One Hundred Maxims for a Chinese Prince* (Tr. by T. Billings). New York: Columbia University Press, 2009.

Standaert N. Matteo Ricci: Shaped by the Chinese. *Jesuits in Britain*. <https://www.jesuit.org.uk/matteo-ricci-shaped-chinese> (accessed: 25.01.2020).

Venturi P.T. *Opere storiche del Matteo Ricci*, S. J. Vol. 2. Macerata: F. Giorgetti, 1913.

Vila-Cha J.J. I Am the Friend and the Friend is Me: The Missionary and the Philosopher of Friendship. *Matteo Ricci in China. Inculturation through Friendship and Faith*. C. Shelke, M. Demichele (Eds). Roma: Gregorian & Biblical Press, 2010. Pp. 171–183.

Wilkinson E. *Chinese History: A Manual*. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДУБРОВСКАЯ Динара Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия.

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor of the State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia.